

Константин Морозов

Впервые судьба свела меня с «Мемориалом» вскоре после окончания истфака Куйбышевского (Самарского) государственного университета летом 1988 г., когда, услышав по радио приглашение участвовать в создании куйбышевской организации «Мемориала», я пришел на первую «инициативную» встречу. Она была весьма странной (как и вся та горбачевская эпоха), так как проходила в горкоме ВЛКСМ, очевидно, реализующем указание сверху. Какие-то невнятные и серые слова нам сказал даже первый секретарь (после чего он, насколько я помню, покинул нас), и осталось только острое чувство неловкости и фантазмагоричности происходящего, которое ощущали обе стороны. Второе собрание, чуть ли не учредительное, было назначено там же, но, приехав чуть позже, я узнал, что собравшиеся возле горкома ушли заседать в помещение какой-то общественной организации, внезапно предложившей свои услуги. Куда они ушли, никто в горкоме не знал, и мы ждали посыльного от ушедших, стоя под морозящим дождем вместе с пожилой парой, очевидно, пришедшей рассказать свою печальную историю.

Вторая моя встреча – уже с московским «Мемориалом» (точнее, с НИПЦ «Мемориал»), когда я и познакомился с Арсением Борисовичем Рогинским, – длилась с конца 1994 г. по 1997 г. и вместила в себя и участие в организации научной конференции об индивидуальном терроре, и составительство сборника его материалов – <http://www.memo.ru/history/terror/>, и организацию постоянно действующего семинара, посвященного революционной проблематике, и стипендиатство в программе для молодых ученых «Мемориала» и Фонда имени Генриха Бёлля.

Но на постоянной основе я стал работать в «Мемориале» в 2001 г., будучи приглашен А.Б. Рогинским для возобновления работы по биографиям социалистов, боровшихся с большевистским режимом. Сам А.Б. Рогинский позже выделял три этапа этой работы и мотивацию ее участников:

«Первый этап – домемориальный, когда в 1970-х годах группа молодых людей начала собирать такие материалы. Я входил в эту группу. Почему мы это делали? Отчасти это были поиски собственных корней, отчасти – стремление доказать, что внутреннее сопротивление власти большевиков в стране реально существовало. Тогда еще были живы многие участники этого сопротивления, делались записи их воспоминаний, бесед с ними, появились первые публикации в самиздате и за рубежом.

Второй этап – раннемемориальный, конец 1980-х – начало 1990-х. Открытие фонда Политического Красного Креста в Государственном архиве Российской Федерации позволило получить доступ к огромному массиву документов. Эту работу начинали Ирина Осипова, Лия Должанская, Ида Заикина, Ярослав Леонтьев, Лев Аронов, Сусанна Печуро.

Третий этап начался уже в нашем веке с приходом в НИПЦ «Мемориал» Константина Морозова, возглавившего изучение темы. Он привлек Татьяну Алексеевну Семенову (Рихтер), которая стала «вторым мотором» программы.

В чем главный смысл этой работы? Это большая и очень важная категория людей, с показательными судьбами, которые оказались никому не нужны. Они, совершенно естественно, были не нужны их бывшим врагам-коммунистам, но не нужны и новому поколению либералов, которое видело в них «двоюродных братьев» тех же самых большевиков, особо не вдумываясь в существенные различия. Но эти замечательные люди, оказавшиеся в битве «третьими», не должны быть забыты» (<http://www.memo.ru/2006/03/21/soc.htm>).

К подобному взгляду на эсеров пришел своим довольно долгим путем и я, начав его в двенадцать с половиной лет, заинтригованный трагичной судьбой эсеров после прочтения книги бывшего левого эсера С.Д. Мстиславского (Масловского) «Грач – птица весенняя». Желание разобраться

в том, почему эти пассионарные и симпатичные люди, боровшиеся за благо своего народа, были уничтожены большевиками, толкнуло меня сначала на истфак КуГУ, а затем в ученики М.И. Леонова, волею судеб преподававшего в нем и являющегося одним из самых крупных исследователей ПСР. Той же волею судеб, уже после того как я опубликовал свою первую книгу о ПСР (1998 г.) и наступило первое разочарование в научном историческом сообществе и осознание того, что историк – это «один ученый дурак, который пишет книги для еще пяти ученых дураков», в мою жизнь буквально вломился «Мемориал» и А.Б. Рогинский. «Мемориальная» работа над биографиями и биосправочником, а позже и историко-просветительским сайтом позволила мне выйти из этого кризиса и заняться наконец-то с полной отдачей тем, чем инстинктивно всегда хотелось – восстановлением исторической справедливости и извлечением из небытия имен, идей и подвига людей, которых я глубоко уважал, людей, которых сначала убили, а затем оболгали и забыли. Фактически то, что я не мог говорить и делать в полной мере в науке, я реализовал в «Мемориале». Десятки разговоров, с А.Б. Рогинским о принципах и методологии создания биограмм и словника, о границах социалистического сопротивления дали мне очень много, заставили выйти за пределы обычной профессиональной зашоренности. Никогда – ни до, ни после – мне не приходилось решать таких сложных методологических проблем, как это было, когда мы продумывали словник и его принципы. Тех сил и времени, которые я потратил в первые пять лет на словник, биограммы и сайт (вместе с А.В. Дубовиком, И.С. Заикиной, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой, С.А. Чарным), по моим ощущениям, хватило бы на большую монографию, но я не жалею, так как эта работа, как и создание и руководство постоянно действующим семинаром «Левые в России: история и современность», – эта научная и просветительская работа стала выполнением своего рода долга.

А.Б. Рогинского я считаю своим вторым учителем, который дал почувствовать вкус к биографике и осмыслению возникающих сложных вопросов и проблем. Да и в человеческом плане масштаб его личности всегда ощущался, хотя с ним было порой непросто, как с человеком темпераментным, с ярко выраженным волевым характером, порой весьма резким в своих высказываниях и заполняющим собой все пространство, что оставляло мало простора для его визави.

Но благодаря его верности этой теме (а также помощи нам со стороны Я.З. Рачинского) стала возможной деятельность нашей программы, значение которой многогранно. Прежде всего наш интерес к этой теме имеет моральную подоплеку. Тема репрессий всегда воспринимается как тема жертв и палачей, а здесь мы имеем дело с людьми, реально сопротивлявшимися большевистскому режиму. Безнравственно игнорировать человеческий подвиг людей, противостоявших большевикам и дошедших до конца, в самом прямом смысле этого слова – до гибели в ссылках, тюрьмах, лагерях и под пулями расстрельных команд. В отличие от сотен тысяч советско-партийных работников и миллионов беспартийных, попавших под удар репрессий в 1930–1940-е годы «безвинно», эти несколько тысяч социалистов и анархистов – не просто жертвы властей, они их сознательные и последовательные враги. Они были теми немногими, кто погиб «за дело» – за дело, которому они служили, в отличие от миллионов, умерщвленных волею властей «за просто так». Эту работу и Арсений Борисович, и я, и все участники нашей программы рассматривали как личный долг перед памятью этих людей.